

Имхатовский блеск в глазах

Трое на телевизионном экране вспоминают историю МХАТа. Идут передачи цикла «Театральные мемуары»...

Три передачи, посвященные истории МХАТа, соединяются общим названием: «Театр — мой дом...». Пусть встречи и беседы проходят в доме-музее Станиславского, в музее-квартире Немировича-Данченко, что создает естественный фон разговора, его атмосферу и стиль. Главное все же в интонации: речь идет о людях, живших театром и для театра. И в том также, кто говорит о них: М. Прудкин, работающий в театре с 1918 года; А. Степанова, пришедшая во МХАТ в 1924 году. Из молодой собеседницы А. Смелянской, также причастной ко МХАТу, выступает как бы посредником, связанным двух эпох — задает вопросы, может прокомментировать, подает реплику, но в основном слушает. Для него важно уважение и преданность (слова Пушкина), к билеому; для них это — вообще не «предание», но нечто, ставшее смыслом и из сегодняшней жизни, — прошлое, живущее в настоящем.

Эти передачи прежде всего познавательны, интересны, «литературны» как сказал бы А. Блок. В потоке воспоминаний, щедрых на подробности, образный, эмоциональный, есть свое «своеобразное действие», ведущее к теме. Возникает ощущение огромного театрального дома где равностно и любовно поддерживался особый порядок. Дома, в котором было важно все и попросту не было мелочей. Где люди при беспредельном уважении к старшим и главным становились равноправными перед лицом искусства, и всемогущий Немирович, нарушившая священную тишину во время спектакля, беспрекословно слушалась капельдинера. Где Станиславский, как Зевс-громовержец, мог обрушиться на нерадивую актрису за вечные опоздания, но мог с обворуживающей прямотой извиниться перед молодым актером за допущенный в спектакле трюк. А Качалов, подбадривая того же юнца перед вводом на роль, не ограничивался дежурным напутствием, но присылал ему свой экземпляр роли с пометками, и письмо, и цветы.

В ходе передач неизбежно возникает сопоставление Станиславского и Немировича-Данченко, столь разных, связанных такими непростыми отношениями и столь неотделимых друг от друга и от созданного ими дома. Как много опровергивал и тороллив суждений появлялось по этому поводу и сколько текста и понимания высказывают их ученики. Степановой и Прудкину важна не цель несогласия и разногласий, но единение двух хозяев театра на основе любви к нему и «общности идеалов», по-разному осуществлявшихся каждым. Единство людей, равно необходимых театру, но сколько отголосков было в этой необходимости...

Станиславский, влюбивший в театр, и обожание, был более близким, «своим»; Немирович — более отдаленным. Личность его в чем-то оставалась неприоткрытой, держала на известной дистанции, не давала приблизиться к себе. О дистанции этой не сказано впрямую, но она ощутима в тоне воспоминаний, в характере подробностей, менее интимных, менее окрашенных юмором, чем в разговоре о Станиславском. Это, впрочем, не мешает безупречной объективности

оценок. Репетиции Немировича — средоточие его театрального мира — воссозданы так зримо, что это убедит лучше много трактата: тонкие ходы к актеру; любовь к актеру, строгая и бережная, и неприятие актера «назального», и неустанная борьба со штампами.

Отмечено и то особенное, о чем говорят и пишут нечасто, — тяга Немировича к поэзии театра. Это так же важно, как рассказ о праздничных репетициях Станиславского с их пиришеством фантазии; «художественники» были в полной мере наделены чувством сцены и чувством жизни также.

Педантизм от науки в свое время сделали так, что основатели МХАТа стали выглядеть скучными. Создавалось впечатление академической солидности, чужды ли не кастовой замкнутости, которое отпугивало от них. Шлеф этой легенды — тамеся до сих пор; поэтому так дороги живые свидетельства, говорящие об этом. Дороги кадры старой кинохроники, редкими вкраплениями идущие в передаче; молодой Немирович, с интересом и втрещой в 1912 году приглядывающийся к кинокамере, а вокруг — веселые, вальсирующие «художественники»; смеющийся чему-то Станиславский; тридцатилетние МХАТа в 1928 году — открытые, озаренные волнением лица, молодой, горячий блеск глаз.

Полнота жизни, человеческих проявлений, радость творчества, а не унылое сячконодействие — то, что было свойственно первым «художественникам» (и что мы не всегда помним о них) и с «генами» передавалось ученикам, более всего — Вахтангову.

Легкие штрихи воспоминаний светотенью набрасывают его портрет — с печатью ранней трагической обреченности и быющей ключом энергии, остротой, страстью и мистификацией, стихийной волевой игры, которой он так умел зарезать и которая перелилась в «Турандот».

С ним в «Мемуарах» взодит тема студийности, чуждой всего, что напоминало бы монастырский устав, — общего и вельского дела, где все равны и каждый в ответе за все. И это тоже мхатовское по природе своей, и здесь есть «корень Художественного театра», как пишет Прудкин.

В «Мемуарах» умеют создавать театральные портреты — легко, лаконично, объемно; умеют сравнивать, сталкивать индивидуальности и находить в них неожиданное общее. Так рядом стоят Леонидов, трагик мочаловского склада, с нервовым и мощным талантом, и светлый, артистичный Качалов. У первого, как сказание в передаче, «колкое, будоражащее дарование, которое не давало покоя зрителю», у второго — «лучи невероятного обаяния», сразу поднивающего зал. Казалось бы, все различно — и след таланта, и судьба, суровая к одному и благосклонная к другому. Однако и общее есть, и коренится оно все в той же иррациональной почве мзатовского искусства. Отсюда известный качаловский драматизм, его сомнения, недовольство собой, потребность в советах, замечаниях, критике даже от младших коллег. Отсюда и любовь обих и младшим: открытая, веселая, разрушавшая барьеры возраста и положения у Кача-

лова; скрытная, с глубокой нежностью — у Леонидова. И то, наконец, что оба были не только крупными и разнообразными художниками (фото- и кинокадры, идущие как итог в финале каждого портрета, напоминая об этом), но крупными личностями прежде всего, и это тоже свойство истинных мхатовцев.

Многого можно было бы добавить о богатстве трех сравнительно небольших передач (режиссер Ю. Зубков, редактор Г. Бориков), о том, что в них рассказано. Но не менее важно и то, как рассказано. Передачи эти не лекции, не отрепетированные монологи; они не носят музейного характера; обращенные в прошлое, они лишены элгии. (Редким диссонансом, исключением, подтверждающим правило, проскользнет то отенок назидательности в разговоре о театральной дисциплине, то излишняя, но свойственная жанру мемуаров аналитичность в рассказе о Немировиче.)

Мхатовские старейшины удивительно говорят. Дело не только в культуре речи, ее точности и простоте, но в особом искусстве общения: как они слушают друг друга, как могут подхватить мысль собеседника, продолжив ее, найти созвучный тон. Кто-то может молчать, слушая товарища или вслушиваясь в себя, — и вдруг включиться в разговор; и вот они уже говорят разом, то перебивая друг друга, то вместе, дуэтом. Но обязательно один останется, замолчит, переживая, уступая место другому.

Параллельна эта молодость души, знакомый «мхатовский» блеск в глазах, живая, благодарная память. «Это было в 19-м году...», — непридуманно обронит Прудкин и расскажет о случившемся так, будто оно было вчера. Или прочтет наизусть, с ходу, из «Отелло» или из «Преступления и наказания», где некогда играл, и не как специальный «номер», а просто как реплику в ходе беседы — так же легко, а полно читает стихи Степанова. Или все вместе с веселым восторгом будут читать и комментировать шутивное стихотворение Качалова, заражая и нас своим весельем, своим азартом.

Как дорога эта непосредственность маститых, лишенных всякой выспренности, многозначительности, всякой заботы о своей весомости, и как все это телевизионно по существу. Насколько влиями кажутся на фоне «Мемуаров» нынешние «Театральные встречи», где опытные, интересные артисты так неконтактно друг с другом и с аудиторией и так неловки в своих попытках «сыграть» импровизацию. Вообще телевидение в последнее время не слишком радует ло части театра. Куда-то исчезла, с января не разу не появившись в эфире, «Театральная афиша» — это окно в театральный мир, столь необходимых во всех уголках огромной страны, о чем говорили хотя бы письма с просьбами, советами, критикой, с разных сторон приходившие на ТВ.

На этом фоне настоящие подарком выглядят «Театральные мемуары», одна из счастливых телевизионных идей. Начало (оно было раньше, в передаче «В доме Завадского») и нынешний триптих оказались удачными. В продолжении хотелось бы не сомневаться — есть столько еще возможностей, столько людей, бывших участниками или хотя бы свидетелями «звездных часов» театра.

Т. ШАХ-АЗИЗОВА.